

Дальше, лучше приниматься за примерами прецедентных феноменов, и классифицировать собранные нами прецедентные феномены, распределив их на различные тематические группы. Мы придерживаемся точки зрения Л.М.Васильева, понимавшего под лингвотематической группой классы слов, объединенных одной типовой ситуацией или темой, при этом у них не обязательно должна быть общая идентифицирующая сема. Потом в дальнейшем классификация, представленная в работе, может быть использована при разработке тематических уроков в курсе практического русского языка как иностранного, а идея относительно связи между целевой аудиторией СМИ и используемыми прецедентными единицами может быть рассмотрена на более репрезентативном материале. Также не исключается возможность анализа функционирования прецедентных единиц в самих газетных текстах. Ведь анализ функционирования прецедентных единиц в самих газетных текстах еще больше помогает китайцев в восприятии эстетической информации русского языка, следовательно, он вправе рассчитывать и на их эстетическую обработку.

Прецедентные феномены - явление культуры. Они входят в фонд исторической памяти социума. Это не история в чистом виде, а то, как прошлое представлено в нашей сегодняшней мысли и как оно вписывается в наши знания о современном мире. Знание национально - прецедентных феноменов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры и неполной включенности в культуру.

Думается, что вопрос прецедентных феноменов, в частности в практике преподавания русского языка как иностранного, также должен иметь свои правила и «законы» в рамках подачи данного материала на уроке РКИ.

Литература

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. М., 1999. 400 с.
2. Как тексты становятся прецедентными / Костомаров, В.Г., Бурвикова Н.Д.//РЯЗР. 1994, №1. 73-76 с.
3. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь: вып. 1 / Брилева И.С. и др. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 315 с.
4. Язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М., 2003. –261 с.

УДК 316.722

КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ ВОСТОКА И ЗАПАДА: ФИЛОСОФСКОЕ И ОБРАЗНАЯ СФЕРА КИТАЯ В БЕЛОРУССКОЙ МУЗЫКЕ РУБЕЖА XX-XXI вв. (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Г. ГОРЕЛОВОЙ)

Сидорович К.А. магистрант

Белорусская государственная академия музыки

E-mail: Astridr@mail.ru

Диалог культур Запада и Востока является на сегодняшний день актуальной проблемой как социально-философского, так и культурно-исторического познания. На цивилизационной карте современности Восток и Запад характеризуют не столько географическое положение, сколько особое сочетание черт социально-культурного развития, а потому различия Восток – Запад обусловлены не только природными условиями (ландшафт, климат, почва и т. д.), но характером и уровнем цивилизационного развития народов.

На современном этапе изучение восточных культур учёными европейского ареала приобрело особую популярность. Страны Востока и их культура, изначально воспринимаемая как нечто принципиально чуждое и отличное от культуры европейской, в настоящее время притягивает к себе внимание и становится объектом многочисленных исследований.

Действительно, традиции восточных стран обнаруживают в себе, черты, в меньшей степени характерные для Европы. Так, одним из факторов оказывается удивительная стабильность дальневосточной традиции, которая проявляется во всех областях культуры. Более того, она обладает некими универсальными качествами, которые удовлетворяют не только духовным, но также интеллектуально-мыслительным и подсознательным запросам человечества в течение очень длительного времени. Более того, говоря о музыке, собственно отношение к ней и её составляющим в культурах Востока *совершенно от-лично* от восприятия музыки глазами европейца. «Музыка, – как справедливо отмечает М. Есипова, говоря о китайской традиции, – точнее, основа структуры музыкального текста являет собой как бы закодированную информацию о структуре мира» [2, 83]. Действительно, в китайской традиции мифологические модели мира породили все основные понятия китайской философии – инь-ян, тянь-жэнь-ди, усин, багуа¹ и др. и конкретизация их была найдена в музыке.

Безусловно, в рамках активного и всё нарастающего взаимодействия таких стран как Китай, Россия и Беларусь, интерес к философии Китая и её отражение в музыкальных интонациях не могли не заинтересовать учёных-искусствоведов, а также композиторов нашей страны. Отметим, что отличительной чертой белорусских композиторов является стремление к глубокому познанию традиций той культуры, которая попадает в поле зрения и становится объектом творческого исследования. Также в белорусской музыке заметно особое отношение к слову, которое является прямым носителем идеи, смысла произведения и вызывает многочисленные художественные ассоциации. Это косвенно объясняет устойчивый интерес композиторов к литературе и поэзии Китая. Круг белорусских композиторов, в интересы которых плотно вошли китайская история, культура, поэзия и музыка, довольно широк (Виктор Копытько, Сергей Бельтюков, Вячеслав Кузнецов и др.).

Широко представлена китайская тематика в музыке *Галины Константиновны Гореловой* – известного белорусского композитора. В её творческом наследии присутствуют самые разнообразные произведения, так или иначе связанные с философией, поэзией и культурой Китая. Так, поэзия одного из наиболее популярных в Китае поэтов Средневековья вдохновила Г. Горелову на создание инструментального цикла «Семь элегий Ли Бо» для гитары и ударных (2007 г.). Состоящее из семи самостоятельных, ярких в художественном отношении номеров, произведение отмечено глубиной замысла. Каждая из семи пьес предваряется строками, которые в переводе на русский язык не утрачивают образность и глубокий философский подтекст. Важно отметить колористическую сторону звучания гитары, поскольку её тембр, мастерски реализованный Г. Гореловой, помог создать тонкие ассоциации с китайскими инструментами, и в первую очередь – с пипой, которая исторически являлась прототипом лютни и гитары. Кроме того, удивительный звуковой колорит, благодаря которому образы средневекового Китая раскрываются наиболее полно, достигается с помощью набора разнообразных ударных инструментов. Среди них ксилофон, вибратон, яванский гонг, трубчатые и глиняные колокола, бунчук, темпл- блок, тарелки и многие другие инструменты. Следует отметить, что возникающие ассоциации с далеким прошлым Китая органично сочетаются с современным композиторским стилем и музыкальным языком.

Представленное произведение далеко не единственное в творческом наследии белорусского композитора. Достойное место в многообразной палитре сочинений Г. Гореловой занимают Фантазия для оркестра «Иней на колоколах» (2005 г.), которое также предварено эпиграфом китайского поэта Ли Бо, Пьеса для флейты-соло (2005 г.). Кроме

¹ Инь-ян – два противоположных космических начала, взаимодействие которых организует жизнь Вселенной (инь – женское начало, покой, податливость; ян – мужское начало, движение, напряжение). Тянь-жэнь-ди – Небо-Человек-Земля – три мировые силы, в китайской философии – толкование триграммы. Усин – пять первоэлементов; учение, сложившиеся в 5-3 вв. до н.э. Символизирует пять категорий состояния природы, которым были даны символы: металл, вода, дерево, огонь, земля. Багуа – восемь триграмм – восемь комбинаций из трёх черт триграммы (создание их приписывается легендарному правителю Фу Си).

того ярким художественным произведением является Кантата на стихи восточных поэтов для сопрано и симфонического оркестра «Тысяча лет надежды» (1990 г.). В первом номере указанного сочинения музыка положена на стихи неизвестного китайского поэта, жившего в XV веке, в заключительной части, №6, использованы стихи Ли Цин Чжао – поэта Китая эпохи Средневековья (XI в).

Произведения Галины Константиновны Гореловой, связанные с образами Востока, свидетельствуют о глубине постижения традиций Китая, о стремлении автора создать не столько мир условной экзотики, приблизиться к пониманию специфики менталитета и традиций китайского народа, его духовных ценностей, особенностей фольклора, развития литературы и искусства. В целом этот яркий пример показывает, что музыка композиторов Беларуси весьма перспективна для дальнейшего культурного диалога между Западом и Востоком, Китаем и нашей страной, а также плодотворности этого союза в рамках протекающих межкультурных процессов и поисков новых путей развития искусства.

Список использованных источников

1. Григорьева, Т. П. Человек и мир в системе традиционных китайских учений // Проблема человека в традиционных китайских учениях / Отв. ред. Т. П. Григорьева. – М.: Наука, 1983. – С. 6-16.
2. Есипова, М. В. Музыкальное видение мира и идеал гармонии в древнекитайской культуре // Вопросы философии: научно-теоретический журнал / Глав. ред. В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1994. – №6. – С. 82-88.
3. Музыкальная эстетика стран Востока / сост. В. П. Шестаков. – М.: Музыка, 1966. – 414 с.

УДК 791.03(510),

ЭКРАННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЕМЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ КИНО

*Сунь Ао, аспирант, научный руководитель Шаройко Е.Н., канд. искусствоведения
Белорусский государственный университет культуры и искусств*

Для Китая Вторая мировая война стала войной против японских оккупантов, великой и справедливой борьбой за государственный суверенитет и народное освобождение. Освещение этого периода истории в кино является священным долгом кинематографистов Китая. За более чем 50 лет со времени установления Китайской Народной Республики было снято большое количество игровых кинолент, сюжеты которых основаны на событиях антияпонской войны и которые рассказывают о сопротивлении оккупантам и о геноциде китайцев японцами. Так, например, в фильме «Человек за солнцем» (или «Отряд 731», 1988 г.) Тун Фэй Моу говорится о зверских действиях японцев на территории оккупированного Китая, создавших лабораторию по разработке биологического оружия и проводивших опыты на живых людях. В кинокартине достаточно натуралистично показаны жестокие извращенные опыты японских ученых («замораживание», «препарирование в живую», «опыты при низких температурах», «опыты при низком давлении» и др.), степень извращенности которых нам трудно представить. И хотя из-за поражения Японии в войне отряд 731 не выполнил свою миссию по разработке бактериологического оружия до конца, но зараженные блохи и крысы породили в 1945 г. серьезную эпидемию чумы в районе Харбина. Отряд 731 под командованием Сиро Исии смог, к сожалению, избежать международного трибунала, но дьявольская фабрика убийства «731» оставила в сердце китайского народа незаживающую рану.

Часть фильмов об антияпонской войне рассказывает о событиях «Нанкинской резни», когда в декабре 1937 г. город Нанкин – столица тогдашнего Китая – был окружен